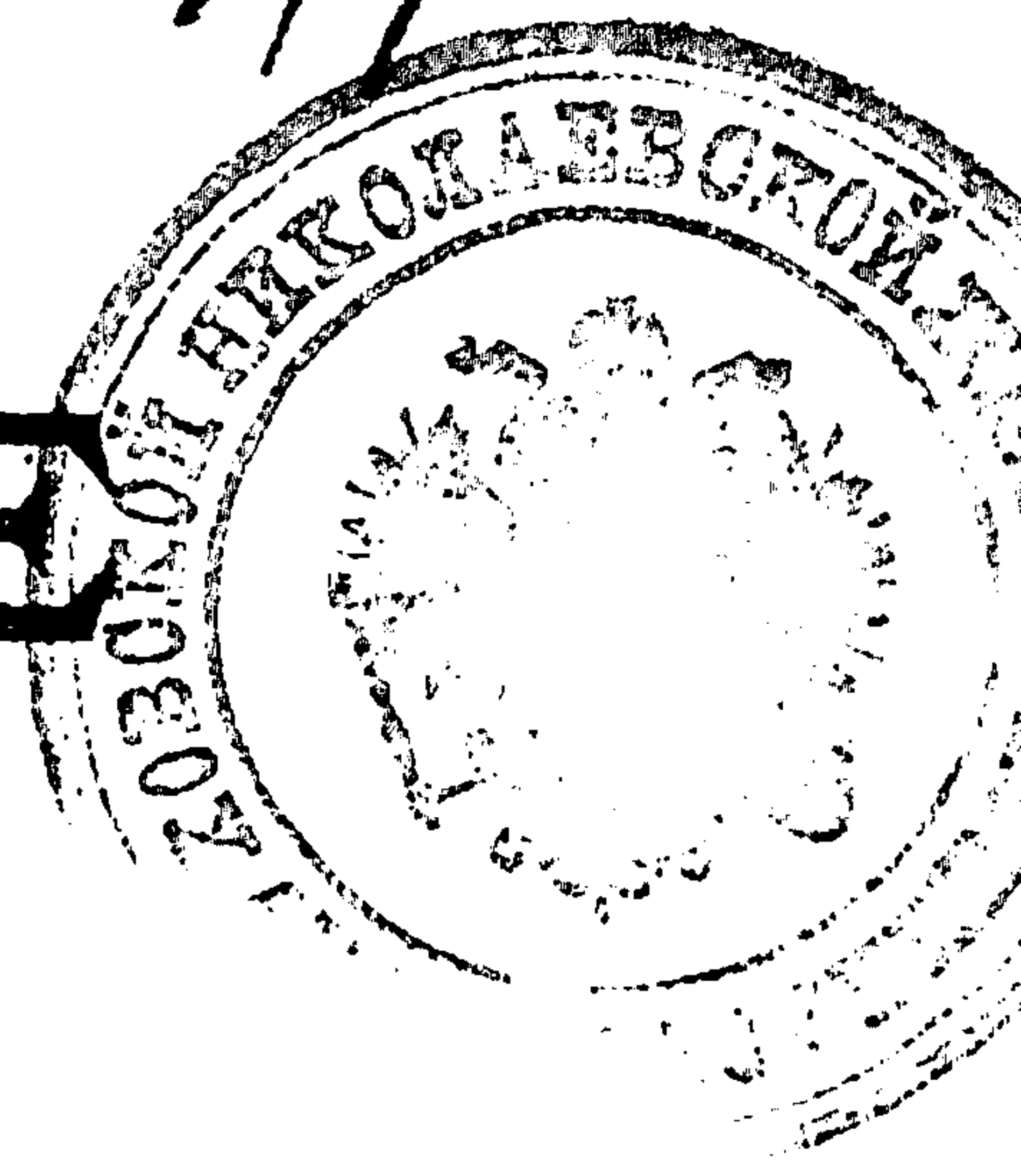

№ 372 ВМ 194

ВНУШЕНІЕ

И ЕГО РОЛЬ

ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

В. М. Бехтерева,

профессора Императорской Военно-Медицинской Академіи,
Директора клиники душевныхъ и, нервныхъ болѣзней.

4 2 5.

5680

370
Б 55.

Второе значительно дополненное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе К. Л. Риккера.

Невскій просп., 14.

1903.

АНТ

1 В 3-я 24.

35

Прод. 1959

Ар.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 октября 1903 г.

354

334

Типографія Я. Трей, Разъѣзжая, 43.

91/6

Предисловіе.

Терминъ „внушеніе“, заимствованный изъ обыденной жизни и введенный первоначально въ кругъ врачебной спеціальности подъ видомъ гипнотическаго или послѣ-гипнотическаго внушенія, въ настоящее время вмѣстѣ съ болѣе близкимъ изученіемъ предмета получилъ болѣе широкое значеніе. Дѣло въ томъ, что дѣйствіе внушенія ничуть не связывается обязательнымъ образомъ съ особымъ состояніемъ душевной дѣятельности, извѣстнымъ подъ названіемъ гипноза, какъ то доказываютъ случаи осуществленія внушенія, производимаго въ бодрственномъ состояніи. Болѣе того—внушеніе, понимаемое въ широкомъ смыслѣ слова, является однимъ изъ способовъ воздѣйствія одного лица на другое даже при обыденныхъ условіяхъ жизни.

Въ виду этого внушеніе служитъ важнымъ факторомъ нашей общественной жизни и должно быть предметомъ изученія не однихъ только врачей, но и всѣхъ вообще лицъ, изучающихъ условія общественной жизни и законы ея проявленія. Здѣсь во всякомъ случаѣ открывается одна изъ важныхъ страницъ общественной психологіи, кото-

рая представляет собою обширное и мало еще разработанное поле научных изслѣдованій.

Настоящее сочиненіе въ первомъ своемъ изданіи представляло собою рѣчь, произнесенную въ актовомъ собраніи Военно-Медицинской Академіи въ декабрѣ 1897 года, и потому было ограничено опредѣленными размѣрами. Но интересъ и важность затронутой темы побудили автора существенно расширить рамки своего труда, вслѣдствіе чего это второе изданіе выходитъ значительно пополненнымъ противъ перваго и уже не въ формѣ рѣчи.

Не претендуя и въ настоящемъ изданіи на желательную полноту изложенія затрогиваемаго предмета, авторъ полагаетъ, что уже правильное его освѣщеніе можетъ быть небезполезнымъ для лицъ, интересующихся ролью внушенія въ общественной жизни.

В. Бехтеревъ.

Различные взгляды на природу внушенія.

Въ настоящую пору такъ много вообще говорятъ о физической заразѣ при посредствѣ «живого контагія» (*contagium vivum*) или т. наз. микробовъ, что на мой взглядъ не лишнее вспомнить и о «психическомъ контагіѣ» («*contagium psychicum*»), приводящемъ къ психической заразѣ, микробы которой, хотя и не видимы подъ микроскопомъ, но тѣмъ не менѣе подобно настоящимъ физическимъ микробамъ дѣйствуютъ вездѣ и всюду и передаются чрезъ слова, жесты и движенія окружающихъ лицъ, чрезъ книги, газеты и пр., словомъ, гдѣ бы мы не находились, въ окружающемъ насъ обществѣ мы подвергаемся уже дѣйствию психическихъ микробовъ и слѣдовательно находимся въ опасности быть психически зараженными.

Вотъ почему мнѣ представляется не только своевременнымъ но и не безъинтереснымъ остановиться на внушеніи, какъ факторъ, играющемъ видную роль въ нашей общественной жизни, факторъ, полномъ глубокаго значенія, какъ въ повседневной жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ соціальной жизни народовъ.

Правда, этотъ вопросъ еще не въ достаточной мѣрѣ освѣщенъ наукой и потому я не могу скрыть опасенія, что въ краткомъ изложеніи врядъ ли мнѣ удастся дать полное представленіе о затрогиваемомъ здѣсь предметѣ; но такова уже природа человѣческой мысли: пока вопросъ недостаточно изученъ, онъ представляетъ живой интересъ для всѣхъ и cadaго, но какъ только тотъ же самый вопросъ разсмотрѣнъ всесторонне въ наукѣ и сдѣлался достояніемъ обширнаго круга лицъ, онъ уже значительно утрачиваетъ долю своего интереса. Руководясь этимъ, я полагаю, что не заслужу со стороны читателя большого упрѣка,

если я останавливаю его вниманіе на вопросѣ о такъ называемомъ внушеніи и психической заразѣ.

Прежде всего мы должны выяснить, что такое само по себѣ внушеніе?

Вопросъ о природѣ внушенія есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ психологіи, получившій въ послѣднее время огромное практическое значеніе, благодаря въ особенности изученію гипнотизма, хотя теперь твердо установлено, что внушеніе вообще является актомъ гораздо болѣе широкимъ, нежели собственно гипнотическое внушеніе, такъ какъ оно проявляется и въ бодрственномъ состояніи и притомъ въ жизни наблюдается вездѣ и всюду, т. е. при весьма различныхъ условіяхъ.

Несмотря однако на огромную практическую важность внушенія, его психологическая природа до сихъ поръ представляется еще крайне мало изученной.

Еще недавно этотъ терминъ не имѣлъ особаго научнаго значенія и употреблялся лишь въ просторѣчій главнымъ образомъ для обозначенія наущеній, съ той или другой цѣлью производимыхъ одними лицами другимъ. Лишь въ новѣйшее время этотъ терминъ получилъ совершенно спеціальное научное значеніе вмѣстѣ съ расширеніемъ нашихъ знаній о психическомъ вліяніи однихъ лицъ на другихъ. Но этимъ терминомъ стали уже злоупотреблять, прилагая его къ тѣмъ явленіямъ, къ которымъ онъ не относится, и нерѣдко прикрывая имъ факты, остающіеся еще недостаточно выясненными.

Несомнѣнно, что отъ такого злоупотребленія научнымъ терминомъ происходитъ немало путаницы въ освѣщеніи тѣхъ психологическихъ явленій, которыя относятся къ области внушенія, а потому прежде всего мы должны подумать объ опредѣленіи и точномъ ограниченіи этого термина.

Нужно замѣтить, что уже многіе авторы давали этому термину то или другое опредѣленіе. Если мы обратимся къ литературѣ предмета, то мы встрѣтимся съ самыми разнообразными опредѣленіями внушенія.

По опредѣленію д-ра L e f é v r e 'a ¹⁾ явленія внушенія и само-

¹⁾ Dr. L. L e f é v r e. Les phénomènes de suggestion et d'auto-suggestion etc. Paris, 1903, стр. 101 и 102.

внушенія состоятъ въ ассимиляціи мыслей, вообще какихъ-либо идей, допущенныхъ имъ безъ мотива и случайно и въ ихъ быстромъ превращеніи въ движенія, въ ощущенія или въ акты задержки.

Liébeault подъ внушеніемъ признаетъ вызываніе словомъ или жестами въ гипнотикѣ представленія, слѣдствіемъ котораго возникаетъ то или иное физическое или психическое явленіе.

По Bernheim'у внушеніе есть такое воздѣйствіе, при посредствѣ котораго вводится въ мозгъ представленіе, которое имъ и принимается.

Löwenfeld подъ внушеніемъ понимаетъ представленіе психическаго или психо-физическаго характера, которое своимъ осуществленіемъ проявляетъ необыкновенное дѣйствіе, вслѣдствіе ограниченія или прекращенія ассоціационной дѣятельности ¹⁾.

Тотъ же авторъ въ своей книгѣ приводитъ и цѣлый рядъ опредѣленій внушенія, сдѣланныхъ другими авторами. Изъ этихъ опредѣленій мы приведемъ лишь наиболѣе существенныя.

Forcl подъ внушеніемъ понимаетъ вызываніе такого динамическаго измѣненія нервной системы, когда возникаетъ представленіе, что это измѣненіе наступило, наступаетъ или наступитъ.

Moll даетъ сходственное этому опредѣленіе: по нему внушеніемъ называется тотъ случай, когда результатъ обусловливается тѣмъ, что вызываютъ представленіе объ его наступленіи.

По Wundt'у внушеніе есть ассоціація съ сопутствующимъ ей суженіемъ сознанія по отношенію къ представленіямъ, которыя, возникая, не дають проявиться противоположнымъ ассоціаціямъ.

По Schrenk-Notzing'у внушеніе выражается ограниченіемъ ассоціацій въ отношеніи опредѣленнаго содержанія сознанія.

Vincent говоритъ, что «подъ внушеніемъ мы понимаемъ обыкновенно совѣтъ или приказаніе; въ состояніи же гипноза внушеніе есть произведенное на психику впечатлѣніе, которое вызываетъ за собою непосредственное приспособленіе мозга и всего отъ него зависящаго».

¹⁾ См. Löwenfeld. Гипнотизмъ. Пер. д-ра Лясса. Саратовъ, 1903.

По Hirschlaß'u ¹⁾ подъ внушеніемъ слѣдуетъ понимать со стороны гипнотизирующаго утвержденіе, не мотивированное и не соотвѣтствующее дѣйствительности, со стороны же гипнотизируемаго реализація этого утвержденія.

Если предъидущія опредѣленія представляются болѣе или менѣе односторонними, противорѣчивыми и неточными, то послѣднее опредѣленіе представляется крайне узкимъ и Löwenfeld справедливо возстаетъ противъ него, такъ какъ согласно этому опредѣленію пришлось бы исключить не только всѣ терапевтическія внушенія, которыя по Hirschlaß'u должны быть рассматриваемы не какъ внушенія, а какъ совѣты, надежды и пр., но также долженъ быть исключенъ изъ области внушенія и цѣлый рядъ явленій, извѣстный подъ названіемъ противовнушеній, такъ какъ они стоятъ въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Да и сколько неопредѣленнаго въ самомъ понятіи «несоотвѣтствующій дѣйствительности». Напр. дается спящему внушеніе: проснувшись, взять со стола папирску и закурить и онъ безпрекословно выполняетъ это внушеніе. Спрашивается, много ли тутъ несоотвѣтствующаго дѣйствительности? а между тѣмъ безспорно, что мы здѣсь также имѣемъ дѣло съ внушеніемъ, какъ и въ другихъ случаяхъ.

Приведеніе другихъ опредѣленій здѣсь излишне и бесполезно, такъ какъ и вышеизложеннаго вполне достаточно, чтобы видѣть, какъ много путаницы, неяснаго и неопредѣленнаго вводится въ понятіе о внушеніи.

Очень характеристично по этому поводу начинаетъ свою книгу Б. Сидисъ ²⁾. «Психологи употребляютъ терминъ «внушеніе» такъ безпорядочно, что читатель часто не уясняетъ себѣ его настоящаго значенія. Иногда этимъ названіемъ пользуются для означенія тѣхъ случаевъ, когда одна идея ведетъ за собою другую и такимъ образомъ отождествляютъ внушеніе съ ассоціаціей. Нѣкоторые настолько расширяютъ область внушенія, что включаютъ въ нее всякое вліяніе человѣка на своихъ собратій. Другіе суживаютъ внушеніе и внушаемость до простыхъ симптомовъ истерическаго невроза. Такъ поступаютъ сторонники

¹⁾ См. Löwenfeld, loco cit. стр. 31.

²⁾ Б. Сидисъ. Психологія внушенія, 1902.

Сальпетріерской школы. Нансійская же школа называетъ внушеніемъ причину, вызывающую то особое состояніе духа, при которомъ явленіе внушаемости чрезвычайно выступаетъ впередъ».

Само собою размѣется, что столь неясное положеніе вопроса о внушеніи приводитъ по Б. Сидису къ большой путаницѣ въ психологическихъ изслѣдованіяхъ, относящихся до внушенія, о чемъ мы уже и говорили выше. Самъ Б. Сидисъ, поясняя внушеніе на нѣсколькихъ примѣрахъ, останавливается между прочимъ на опредѣленіи Болдвина ¹⁾, по которому «подъ внушеніемъ понимается большой классъ явленій, типическимъ представителемъ которыхъ служитъ внезапное вторженіе въ сознаніе извнѣ идеи или образа, становящихся частью потока мысли и стремящихся вызвать мышечныя и волевыя усилія—свои обычные послѣдствія». Б. Сидисъ считаетъ однако его недостаточнымъ; онъ находитъ во внушеніи еще другія важныя черты, которыя состоятъ въ томъ, что внушеніе воспринимается субъектомъ безъ критики и выполняется имъ почти автоматически.

Но независимо отъ того по Б. Сидису во внушеніи имѣется еще элементъ, безъ котораго опредѣленіе является неполнымъ. «Этотъ элементъ или факторъ составляетъ преодоленіе или обходъ противодѣйствія субъекта. Внушенная идея насильно вводится въ потокъ сознанія, она нѣчто чуждое, нежеланный гость, паразитъ, отъ котораго сознаніе субъекта стремится избавиться. Потокъ сознанія индивидуума борется съ внушаемыми идеями, какъ организмъ съ бактеріями, стремящимися разрушить устойчивость равновѣсія. Этотъ элементъ противодѣйствія имѣетъ въ виду д-ръ І. Гроссманъ, опредѣляя внушеніе, какъ «процессъ, въ которомъ какое-нибудь представленіе пытается навязаться мозгу» ²⁾.

Въ концѣ концовъ Б. Сидисъ останавливается на такомъ опредѣленіи внушенія: «Подъ внушеніемъ понимается вторженіе въ умъ какой-либо идеи; встрѣченная большимъ или меньшимъ сопротивленіемъ личности, она наконецъ принимается

¹⁾ Boldvin. Psychology. Vol. II.

²⁾ S. Grossmann. Zeitschrift f. Hypnotismus, апрѣль, 1893.

безъ критики и выполняется безъ обсужденія, почти автоматически» ¹⁾).

Опредѣленіе это, выраженное въ такой формѣ, стоитъ довольно близко къ сдѣланному мною ранѣе опредѣленію внушенія, еще въ первомъ изданіи настоящей брошюры ²⁾, но все же, благодаря нѣкоторымъ вводнымъ указаніямъ, оно не можетъ быть признано вполне достаточнымъ. Прежде всего далеко не всегда внушеніе встрѣчается тѣмъ или другимъ сопротивленіемъ со стороны личности внушаемаго лица. Это наблюдается чаще всего въ тѣхъ гипнотическихъ внушеніяхъ, которыя касаются нравственной сферы внушаемаго лица или же противорѣчатъ установившимся отношеніямъ даннаго лица къ тѣмъ явленіямъ, которыя служатъ предметомъ внушенія; въ большинствѣ же другихъ случаевъ внушеніе входитъ въ психическую сферу безъ всякаго сопротивленія со стороны внушаемаго лица, нерѣдко оно проникаетъ въ его психическую сферу совершенно незамѣтно для него самого, не смотря даже на то, что дѣйствуетъ въ бодрственномъ состояніи.

Что это такъ, доказываетъ примѣръ, заимствованный изъ книги Охоровича: О мысленномъ внушеніи, приводимый самимъ Б. Сидисомъ:

«Мой другъ П., человѣкъ столь же разсѣянный, сколь и остроумный, игралъ въ шахматы въ сосѣдней комнатѣ, а мы остальные разговаривали около двери. Я замѣтилъ, что мой другъ, когда совсѣмъ погружался въ игру, имѣлъ обыкновеніе насвистывать арію изъ «Madame Angot». Я уже собрался ему въ аккомпаниментъ отбивать ритмъ на столѣ; но въ этотъ разъ онъ сталъ насвистывать маршъ изъ «Пророка».

Послушайте, сказалъ я товарищамъ, мы сдѣлаемъ съ П. штуку: мы прикажемъ ему (мысленно) перейти съ «Пророка» на «La fille de madame Angot».

Сначала я сталъ отбивать маршъ, потомъ, воспользовавшись нѣсколькими нотами, общими обѣимъ пьесамъ, немедленно пере-

¹⁾ Б. Сидисъ. Психологія внушенія, перев. д-ра М. Колоколова. Спб. 1902 г., стр. 19.

²⁾ См. В. Бехтеревъ. Роль внушенія въ общественной жизни. Спб. 1898, стр. 2.

шелъ на болѣе быстрый темпъ любимой аріи моего пріятеля. П. со своей стороны внезапно переѣнилъ мотивъ и началъ насвистывать «Madame Angot». Всѣ разсмѣялись. Мой другъ былъ слишкомъ занятъ шахомъ королевы, чтобы замѣтить, что нибудь. Начнемъ опять, сказалъ я, и вернемся къ «Пророку». Немедленно мы опять услышали замѣчательную фугу Мейербера. Все, что мой другъ зналъ, было только то, что онъ что-то насвистывалъ».

Нѣтъ надобности пояснять, что здѣсь не было мысленнаго внушенія, а было внушеніе слуховое, которое проникало въ психическую сферу совершенно незамѣтно для внушаемаго лица и безъ всякаго съ его стороны сопротивленія.

То же самое мы имѣемъ и въ другихъ случаяхъ. Возьмемъ еще примѣры изъ Б. Сидиса:

«У меня въ рукахъ газета и я начинаю её свертывать; вскорѣ я замѣчаю, что мой другъ, сидящій противъ меня, свернулъ свою такимъ же образомъ, мы говоримъ, что это случай внушенія» ¹⁾.

Мы можемъ привести и много другихъ аналогичныхъ примѣровъ, гдѣ внушеніе входитъ въ психическую сферу незамѣтно для самаго лица и безъ всякой борьбы и сопротивленія съ его стороны.

Вообще можно сказать, что внушеніе по крайней мѣрѣ въ бодрственномъ состояніи гораздо чаще проникаетъ въ психическую сферу именно такимъ незамѣтнымъ образомъ и во всякомъ случаѣ безъ особой борьбы и сопротивленія со стороны внушаемаго лица. Въ этомъ и заключается общественная сила внушенія. Возьмемъ еще примѣръ изъ того же Б. Сидиса:

Среди улицы на площади, на тротуарѣ останавливается торговецъ и начинаетъ изливать цѣлые потоки болтовни, льстя публикѣ и восхваляя свой товаръ. Любопытство прохожихъ возбуждено: они останавливаются. Скоро нашъ герой становится центромъ толпы, которая тупо глазѣетъ на «чудесные» предметы, выставленные ей на удивленіе. Еще нѣсколько минутъ и толпа начинаетъ покупать вещи, про которыя торговецъ внушаетъ, что онѣ «прекрасныя дешевыя».

«Уличный ораторъ взлѣзаетъ на полѣно или на повозку и

¹⁾ Б. Сидисъ. Психологія внушенія, стр. 10.

начинаетъ разглагольствовать передъ толпой. Грубѣйшимъ образомъ онъ прославляетъ великій умъ и честность народа, доблесть гражданъ, ловко заявляя своимъ слушателямъ, что съ такими дарованіями они должны ясно видѣть, какъ зависитъ процвѣтаніе страны отъ той политики, которую онъ одобряетъ, отъ той партіи, доблестнымъ поборникомъ которой онъ состоитъ. Его доказательства нелѣпы, его мотивы презрѣнны и однако онъ обыкновенно увлекаетъ за собой массу, если только не подвернется другой ораторъ и не увлечетъ въ другомъ направленіи. Рѣчь Антонія въ «Юліи Цезарѣ» представляетъ превосходный примѣръ внушенія».

Очевидно что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствіе внушенія не осуществилось бы, какъ скоро было бы замѣчено всѣми, что торговецъ не въ мѣру расхваливаетъ свои товары, что уличный ораторъ преувеличиваетъ значеніе своей партіи, вздорнымъ образомъ восхваляя ея заслуги. По крайней мѣрѣ всѣ, для которыхъ ясны вздорность и лживость увѣреній въ такихъ случаяхъ тотчасъ же отходятъ въ сторону отъ такихъ ораторовъ, вокругъ которыхъ остается только довѣрчивая толпа слушателей, мало понимающая въ дѣлѣ, незамѣчающая ни грубой лести, ни лживыхъ заявленій и потому легко поддающаяся внушенію.

Итакъ въ дѣйствиіи послѣдняго по крайней мѣрѣ въ приведенныхъ случаяхъ нѣтъ ничего «насильственного», нѣтъ ничего такого, что должно быть «преодолѣваемо», наконецъ нѣтъ и ничего такого, отъ чего «сознаніе субъекта стремится избавиться».

Все происходитъ самымъ обычнымъ, естественнымъ порядкомъ и однако это есть настоящее внушеніе, которое вторгается въ психическую сферу, какъ тать, и производитъ въ ней роковыя послѣдствія.

Нѣтъ конечно надобности доказывать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ внушеніе дѣйствительно встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны внушаемаго лица и тѣмъ не менѣе оно проникаетъ въ сознаніе, какъ паразитъ, послѣ извѣстной борьбы, почти насильственнымъ способомъ.

Одинъ изъ прекрасныхъ поэтическихъ примѣровъ внушенія, проникающаго въ сознаніе послѣ извѣстной борьбы, представляетъ внушеніе со стороны Яго, направленное на Отелло, который встрѣчаетъ это внушеніе первоначально нѣкоторымъ сопротивле-

ніемъ, но затѣмъ постепенно поддается ему, когда «ядъ ревности» начинаетъ совершать въ душѣ Отелло свою губительную работу. Точно также и нѣкоторые изъ внушеній, производимыхъ въ гипнозѣ, иногда встрѣчаются извѣстнымъ противодѣйствіемъ со стороны внушаемаго лица. Особенно часто это случается съ лицами, которымъ внушаютъ произвести поступокъ, противорѣчащій ихъ наиболѣе сокровеннымъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Какъ извѣстно, нѣкоторые изъ французскихъ авторовъ по степени сопротивленія лица, которому производятся внушенія, противорѣчащія общепринятымъ нравственнымъ понятіямъ, находили возможнымъ даже опредѣлять нравственность даннаго субъекта.

Очевидно, что даже въ гипнозѣ личность не вполне устраняется, она только потухаетъ въ извѣстной мѣрѣ и, встрѣчая внушеніе, противное убѣжденію, противодѣйствуетъ ему въ той или другой мѣрѣ.

Тѣмъ не менѣе ничего обязательнаго и даже характернаго для внушенія въ противодѣйствіи со стороны внушаемаго лица мы не имѣемъ, такъ какъ множество внушеній вступаетъ въ психическую сферу безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны внушаемаго лица. Одному лицу, находящемуся въ бодрственномъ состояніи, я говорю, что у него начинается стягивать руку въ кулакъ, что всю его руку охватываетъ судорога и ее притягиваетъ къ плечу и это внушеніе тотчасъ же осуществляется. Другому я говорю, что онъ не можетъ брать рукой окружающихъ предметовъ, что она у него парализована и оказывается, что съ этихъ поръ на самомъ дѣлѣ онъ не употребляетъ руки и все это продолжается впредь до того времени, пока я не скажу тому и другому лицу, что они вновь по прежнему владѣютъ своей рукой. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, нѣтъ и тѣни сопротивленія.

Поэтому мы не можемъ согласиться съ Б. Сиди сомъ, когда онъ говоритъ, что черта сопротивленія есть основная часть внушенія или что потокъ сознанія индивидуума борется съ внушаемыми идеями, какъ организмъ съ бактеріями, стремящимися разрушить устойчивость. Въ этой борьбѣ и въ сопротивленіи для внушенія нѣтъ никакой необходимости, вслѣдствіе чего сопротивленіе личности не можетъ и не должно вхо-

дить въ опредѣленіе внушенія. Нельзя также думать, что внушеніе не допускаетъ критики.

Сопротивленіе внушенію, гдѣ оно имѣется, вѣдь и основано на критикѣ, на уясненіи внутренняго противорѣчія внушаемаго съ убѣжденіями даннаго лица, на несогласіи съ нимъ его «я», когда это «я» неполнѣ исключено. Иначе вѣдь не было бы и сопротивленія. Отсюда очевидно, что внушеніе въ извѣстныхъ случаяхъ не исключаетъ даже критики, не переставая быть въ то же время внушеніемъ. Это обычно замѣчается въ слабыхъ степеняхъ гипноза, когда личность или «я», не будучи вполне устраненнымъ, относится еще съ критикой ко всему окружающему и въ томъ числѣ къ внушенію.

Одному лицу я внушаю въ гипнозѣ, что по пробужденіи онъ долженъ взять со стола фотографическую карточку, которую онъ увидитъ. Когда онъ проснулся онъ почти тотчасъ же осматриваетъ поверхность стола и останавливаетъ свой взоръ на опредѣленномъ мѣстѣ. Вы что-нибудь видите, спрашиваю я. «Вижу карточку». Я прощаюсь съ нимъ, намѣреваясь уйти; но онъ все еще обращаетъ свой взоръ на столъ. Не нужно ли Вамъ что-нибудь сдѣлать? спрашиваю я. «Мнѣ хотѣлось взять эту карточку, но мнѣ ее не надо!» отвѣчаетъ онъ и уходитъ, не выполнивъ внушенія и очевидно борясь съ нимъ.

Очень хорошій примѣръ мы находимъ также у Б. Сидиса. Человѣку, находящемуся въ слабой степени гипноза, дѣлается внушеніе, что онъ, услышавъ стукъ, возьметъ сигаретку и зажжетъ ее. «Пробудившись онъ помнилъ все. Я быстро стукнулъ нѣсколько разъ. Онъ всталъ со стула, но сейчасъ же сѣлъ опять и, смѣясь, воскликнулъ; «нѣтъ я не стану этого дѣлать!» «Что дѣлать?» спросилъ я.

«Зажечь сигаретку, это бессмыслица!!!» «А вамъ очень хотѣлось это сдѣлать?» спросилъ я, представляя желаніе прошедшимъ, хотя было ясно, что онъ теперь съ нимъ борется. Онъ не отвѣтилъ. Я снова спросилъ: «Вы очень желали это сдѣлать»? «Не очень», отвѣтилъ онъ коротко и уклончиво.

Такимъ образомъ «принятіе безъ критики внушенныхъ идей и дѣйствія» также не составляетъ безусловной необходимости для внушенія, хотя и безспорно, что большинство внушеній

входить въ психическую сферу, какъ о томъ говорилось ранѣе, безъ всякаго сопротивленія.

Равнымъ образомъ полного автоматизма мы не находимъ и въ осуществленіи внушенія. Извѣстно, какъ часто мы встрѣчаемъ даже у лицъ, погруженныхъ въ гипнозъ, что внушеніе осуществляется не безъ нѣкоторой борьбы. Тоже мы наблюдаемъ и въ случаяхъ послѣгипнотическаго внушенія. Иногда эта борьба кончается тѣмъ, что внушеніе, бывшее на пути къ осуществленію, въ концѣ концовъ остается неосуществленнымъ вовсе, какъ это было въ только что приведенномъ примѣрѣ. Правда это противодѣйствіе бываетъ различно, смотря по силѣ внушенія, по его характеру, по тѣмъ или другимъ внѣшнимъ условіямъ, тѣмъ не менѣе оно возможно и во многихъ случаяхъ существуетъ. Слѣдовательно двигательный автоматизмъ далеко не можетъ считаться неотъемлемой принадлежностью внушенія.

Итакъ внушеніе входитъ часто въ психическую сферу незамѣтно, безъ всякаго насилія, иногда вызываетъ борьбу со стороны личности внушаемаго субъекта, подвергается съ его стороны даже критикѣ и выполняется, хотя и насильственно, но далеко не всегда автоматически.

Надо впрочемъ замѣтить, что въ иныхъ случаяхъ внушеніе дѣйствительно входитъ въ психическую сферу какъ бы насильственнымъ образомъ и, будучи принято безъ всякой критики и внутренней борьбы, выполняется вполнѣ автоматически.

Примѣромъ такихъ внушеній можетъ служить способъ внушенія аббата Faria, дѣйствовавшаго однимъ повелительнымъ словомъ. Къ этому же порядку внушенія относится и всѣмъ извѣстная команда, которая основана вездѣ и всюду не столько на силѣ страха за непослушаніе и сознанія раціональности подчиненія, сколько на дѣйствительности внушенія, которое въ этомъ случаѣ врывается въ сознаніе насильственно и внезапно и, не давая времени для обдумыванія и критики, приводитъ къ автоматическому выполненію внушенія.

Опредѣленіе внушенія.

Очевидно, что сущность внушенія заключается не въ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ его особенностяхъ, а въ особомъ отно-